

На правах рукописи

КАРПЕНКО Елена Петровна

**ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ
В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА**

Специальность 10.02.01 — русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
Харьковского государственного педагогического института
им. Г.С.Сковороды

Научный руководитель -

доктор филологических наук
И.И.КОВТУНОВА (ИРЯ АН СССР)

Официальные оппоненты -

доктор филологических наук
Т.Г.ВИНОКУР

ЛНБ України ім.В.Стефаніка

00816109 (P)

доктор филологических наук,
профессор О.П.ЕРМАКОВА

Ведущее учреждение -

Ташкентский государственный
университет

Защита диссертации состоится "5" ^{2.04} ~~марта~~ 1992 г.
в ¹⁵ часов на заседании специализированного совета Д.0002.19.01
при Институте русского языка АН СССР (121019 Москва, ул. Волхонка,
18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
русского языка АН СССР.

Автореферат разослан "30" ^{27.02} ~~января~~ 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

В.Н.БЕЛОУСОВ

ЛНБ ім. В. Стефаніка
АН УРСР

Лирический поэт, по природе своей, —
двуполюе существо, способное к бес-
численным расщеплениям во имя вну-
треннего диалога.

О.Мандельштам

В отечественной и зарубежной лингвистике последние десяти-
летия отмечены активизацией интереса к коммуникативным аспектам
языка и особенностям речевой коммуникации (Н.Д.Арутюнова, ван
Дейк, И.И.Ковтунова, К.Кожевникова, Ю.И.Левин, Ю.М.Лотман, Е.В.Па-
дучева, Я.Славинский, Г.В.Степанов, Р.Якобсон и др.), которые
привлекали внимание ученых еще в первой половине нашего столе-
тия. Толчком к разворачиванию исследований в указанной области
послужили работы М.М.Бахтина, создавшего теорию высказывания.

Обосновывая необходимость нового понимания высказывания как
звена в цепи речевого общения, как "активной позиции говорящего
в т.с.и или иной предметно-смысловой сфере"¹, ученый указывал на
недостаток предшествующих лингвистических теорий — недооценку
коммуникативной функции языка. Он считал, что высказывание воз-
никает как реакция на предшествующие высказывания и, возникая,
уже тем самым претендует на услышанность, на ответность. А сама
услышанность, по мнению ученого, уже есть диалогическое отноше-
ние². Именно эта услышанность становится предпосылкой возникно-
вения самой коммуникативной ситуации, а понимание услышанного,

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.263.

² там же: 306.

по Бахтину, - подготовительная стадия ответа - возникновения нового высказывания. Таким образом, диалогическая природа высказывания предопределена диалогичностью сознания, диалогической природой самой человеческой жизни³. Поэтому "единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершимый диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить - значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п."

Правомерность таких выводов подтверждается философскими теориями сознания и познания и исследованиями в области психологии и физиологии.

Анализируя выводы ученых-философов о диалогической природе мышления и сознания (например; "...душа, размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая", - Платон; "...Мыслить - значит говорить с самим собой... значит внутренне (через репродуктивное воображение) слышать себя самого", - И.Кант; "Для доказательства необходимы два лица; мыслитель раздваивается при доказательстве"... - Л.Фейербах), необходимо выделить еще одну проблему, решение которой вытекает из приведенных высказываний, - проблему самосознания, только при наличии которого и возможен диалог с собой. Кроме того, именно с самосознанием связывают процесс возникновения внутренней речи. И именно самосознание, предпосылкой которого является "раздвоение "Я" на субъект и объект (познания, управления, контроля" (И.Кон), диалог с собой, является основой нравственности, "внутреннего суда", по И.Канту.

³ там же: 318.

Итак, "молчаливые" диалоги с собой — способ осуществления процесса самосознания.

Психология, как и философия, связывает возникновение внутренней речи с развитием самосознания. Начало изучению механизмов образования внутренней речи положили исследования Л.С.Выготского, который определяет внутреннюю речь как речь для себя и выделяет основные ее свойства: максимальная свернутость, сокращенность, стенографичность, предикативность (каждое слово в ней — "концентрированный ступок смысла").

Диалогическая природа мышления, влекущая за собой диалогичность всего им порождаемого, доказывается опытами нейро-физиологов, изучающих взаимодействие полушарий головного мозга человека.

Таким образом, выстраивается цепочка: диалогичность самой природы, жизни обуславливает диалогичность мышления, что влечет за собой диалогичность сознания; последнее, в свою очередь, предполагает диалогичность коммуникации, языка. Это все снова ведет к диалогизации жизни, уже социальной.

Возвращаясь к пониманию диалога в лингвистике и филологии вообще, необходимо отметить, что одновременно с М.М.Бахтиным над проблемой диалогичности работает Л.П.Якубинский, который в своих исследованиях приходит к выводу о том, что "...всякое речевое раздражение, как бы непрерывно длительно оно не было, возбуждая, как свою реакцию, мысли и чувства, необходимо толкает организм на речевое реагирование" и что "диалог, являясь несомненным явлением "культуры", в то же время в большей мере явление "природы", чем монолог". То есть в очередной раз подчеркивается первичность диалога по отношению к монологу.

В это же время проблемами речевой коммуникации занимаются

представители Харьковской школы — ученики и последователи А.А.Потебни. Это свидетельствует о том, что "проблема диалога все более и более становится в центре лингвистических интересов. Это вполне понятно: ведь реальной единицей речи ... является не изолированное монологическое высказывание, а взаимодействие, по крайней мере, двух высказываний, т.е. диалог"⁴.

Высказывание, по словам М.М.Бахтина, — звено в цепи речевого общения, и его основные признаки — четкие границы, определяемые сменой речевых субъектов, наличие этих речевых субъектов, обращенность к кому-либо, адресованность. Адресат высказывания, как указывает ученый, "может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, врагами и противниками, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п." Адресатом может быть также и наадресат — "третий", к чье ответное понимание субъект высказывания рассчитывает в метафизической дали.

Чтобы понимание со стороны адресата было активно ответным, необходима некоторая общность кругозора, общность памяти говорящего и слушающего /об этом — в работах М.М.Бахтина, Ю.М.Лотмана, Л.П.Якубинского и др./ поэтому говорящий, оформляя свое высказывание, вольно или невольно имеет в виду определенный тип аудитории.

⁴ Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. — Л., 1929. С.137—

Модель речевой коммуникации тщательно разработывает Р.Якобсон. Особое внимание он обращает на "увеличение "радиуса коммуникации", а также на тот аспект, который интересовал в функционировании языка исследователей как в области психологии и неврологии, так и лингвистики: язык является средством не только интерперсональной, но и интраперсональной коммуникации.

Литературная коммуникация, основываясь на общих принципах речевой коммуникации, все-таки существенным образом от нее отличается, так как происходит "общая переоценка речи и всех ее компонентов" /Якобсон/. О своеобразии общения, коммуникации в художественном тексте пишут М.М.Бахтин, В.М.Жирмунский, Ю.М.Лотман, Г.В.Степанов и др.

Особенности литературной коммуникации пытаются осознать и объяснить и сами поэты и писатели.

Вот как пишет о своих собеседниках, например, О.Э.Мандельштам. "Поэт не только музыкант, он же и Страдивариус, великий мастер по фабрикации скрипок, озабоченный вычислением пропорции "коробки" — психики слушателя. Нельзя третировать собеседника: непонятый и непризнанный, он жестоко мстит. У него мы ищем санкции, подтверждения нашей правоте. Тем более поэт". Но в то же время он указывает на то, что "обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полета. Воздух стиха есть неожиданное. Обращаясь к известному, мы можем сказать только известное. Это — властный, неколебимый психологический закон". ... "Да, когда я говорю с кем-нибудь, — я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать. Нет лирики без диалога. А единственное, что толкает нас в объятия собеседника, — это желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью."

Мысли о необходимости собеседника можно найти также у В. Набокова, М. Пришвина и др.

Итак, собеседник /его наличие/ – важнейший фактор коммуникации. И если отсутствует реальный собеседник, реальный "другой", сознание создает себе вымышленного "другого". В одних случаях это воображаемое лицо, в других – различные предметы и явления, в третьих – объективированная сторона Я человека, в диалог с которой вступает его другая сторона.

Все три указанные выше случая находят свое воплощение в лирике в силу ее коммуникативного своеобразия /см. об этом у И.И. Ковтуновой/. Лирическая поэзия призвана отразить внутренний мир автора, поэтому в ней находят место /в трансформированном виде/ некоторые формы естественной внутренней речи /в том числе внутренние диалоги/. Но не только диалоги с собой /внутренние в собственном смысле слова/ являются в лирике внутренними; диалоги с любыми собеседниками приобретают тот же статус, поскольку в момент создания произведения никакая ответная реакция со стороны адресата невозможна. Это ведет к расширению самого понятия "внутренний диалог": разговор с собой – внутренний диалог в узком смысле – автодиалог /термин Н. Фатеевой/; разговор с любыми другими адресатами – внутренний диалог в широком смысле.

Характер диалогов обоих типов, их внешняя или внутренняя направленность, а также вообще степень диалогизации лирических текстов, на наш взгляд, являются определяющими при характеристике индивидуального стиля поэта.

Следовательно, актуальным представляется проследить зависимость степени и характера диалогизации поэзии от коммуникативной позиции ее автора, тем более что вопрос этот ранее не изучался.

Основной целью исследования является определение природы и сущности внутреннего диалога в языке лирики и описание некоторых индивидуальных и в то же время характерных для поэзии XX века черт внутреннего диалога.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- определение природы внутреннего диалога как принадлежности естественной внутренней речи;

- раскрытие понятия "внутренний диалог" применительно к поэзии;

- сопоставительное исследование функционирования диалогических форм и трансформации их функций в лирике нескольких поэтов;

- анализ эволюции использования форм внутреннего диалога в идиостиле каждого автора в зависимости от изменения мировосприятия;

- сопоставительный анализ зависимости характера и перераспределения форм внутреннего диалога в поэтических текстах от коммуникативной позиции автора.

Материал исследования. В работе исследуется творчество четырех поэтов: С. Есенина, В. Маяковского, М. Петровых, Б. Окуджавы.

Первые два представляют одну культурно-историческую эпоху, но принадлежат к разным направлениям и резко отличаются в осмыслении своих поэтических заданий. Поэты более позднего времени

/М. Петровых и Б. Окуджава/ занимают уже другие, обусловленные их социальным статусом и социальной средой коммуникативные позиции.

Таким образом, есть возможность проследить, как исторически изменяется отношение поэтов к использованию тех или иных диалогиче-

ских форм для воплощения поэтических образов, и осуществить сравнительно-типологический анализ поэтических текстов.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоят в том, что в ней впервые рассматривается роль внутреннего диалога в индивидуальном поэтическом языке; прослеживается его эволюция у каждого из поэтов, чье творчество стало предметом изучения. Кроме того, для исследования взята ранее не изучавшаяся поэзия М.Петровых. Выявление зависимости степени и характера диалогизации поэтических текстов от коммуникативной позиции автора вносит определенный вклад в теорию коммуникации и теорию поэтической речи; подтверждает необходимость учета фактора адресата при анализе поэтических текстов и интенций их авторов.

Практическое значение. Результаты исследования могут быть полезными при описании поэтического языка XX века как лингвистами, так и литературоведами, а также при описании идиостилей С.Есенина, В.Маяковского, М.Петровых и Б.Окуджавы. Практическая ценность работы состоит также и в том, что представленный в ней материал может использоваться в вузовских курсах "Стилистики" и "Лингвистического анализа текста", в спецсеминарах по лингвистической поэтике, в практике преподавания лингвистических и литературоведческих дисциплин в школе.

Апробация работы. По проблемам диссертационного исследования были прочитаны доклады на научной конференции "Риторика и синтаксические структуры" /Красноярск, 1989/, межвузовской научной конференции "Семантика и прагматика языковых единиц" /Харьков, 1989/, на XII научной конференции болгарских аспирантов в СССР с международным участием /Москва, 1990/, на итоговых научных конференциях /Харьков, 1990, 1991/. Основные положения рабо-

ты обсуждены и одобрены на заседаниях кафедры общего и русского языкознания Харьковского государственного педагогического института им. Г.С.Сковороды и Отдела стилистики и языка художественной литературы Института русского языка АН СССР.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, указателя поэтических источников, списка литературы.

Во введении дается философское, психологическое и лингвистическое обоснование актуальности темы, кратко изложенное выше, формулируются цели и задачи исследования, описывается коммуникативное своеобразие лирики /Л.Я.Гинзбург, И.И.Ковтунова, Ю.М.Лотман, Р.Якобсон/, раскрывается природа внутреннего диалога как принадлежности естественной внутренней речи, посредством которой осуществляется самосознание личности, и его особенности в лирике. В данном разделе раскрывается также суть понятия "коммуникативная позиция автора"; регламентируется объем диалогических форм /обращение, вопрос, повелительное наклонение, второе лицо/, семантика и функции которых описываются в пределах творчества каждого из поэтов.

1 глава - "Внутренний диалог в поэзии С.Есенина"

Продолжая в целом традиции лирики XIX века, в частности "крестьянских" поэтов во главе с А.Кольцовым, Есенин обогатил свою поэзию новым отношением к природе, которое сформировалось в народно-песенной среде русской деревни начала XX века. Большой отпечаток на его творчество наложило увлечение теорией имажинизма, несмотря на то, что, будучи законодателем этого направления, сам Есенин скоро от него отошел.

Поэзия С.Есенина отражает внутренний его мир - переживания

и чувства, связанные с восприятием окружающей действительности. Такая направленность на внутренний мир обуславливает высокую степень автоадресации текстов. При расщеплении его лирического Я адресатами становятся чувства, сердце и душа, земное Я поэта, жизнь, поэтический дар – творческое Я поэта и т.д., например: Стой, душа, мы с тобой проехали Через бурный положенный путь. Субъектами в этих диалогах /эксплицированными или имплицитными/ могут быть и чувства и разум: Но голос мысли сердцу говорит: Опомнись! Чем же ты обижен?.. Подобных текстов немного.

На то, что это автоадресация, может быть прямое указание в контексте /экспликация собеседников/, а также сопровождение обращений, называющих адресатов, прилагательными-характеристиками /Слушай, поганое сердце, Сердце о бабье мое.../.

Для некоторых автокоммуникативных конструкций, содержащих местоимения или глаголы во 2-м лице, возможно расширение адресации /И.И.Ковтунова/, т.е. сказанное может быть отнесено не только к адресату-Я, но и к любому другому, который может принять это на свой счет. У С.Есенина и такие конструкции предельно индивидуализированы посредством контекста: Сочинитель бедный, это ты ли Сочиняешь песни при луне? /обращение и соответственно вопрос как бы предполагают широкого адресата, но текст не дает такой возможности/Уж давно глаза мои остыли На любви, на картах и вине /введено местоимение мой, следовательно, адресат – только Я поэта/.

Автокоммуникативные контексты С.Есенина могут состоять из одних вопросительных предложений или строиться на чередовании вопросов и неполных предложений, моделируя процесс естественной внутренней речи.

Необходимо отметить, что поэтические тексты с автоадреса-

цией относятся ко второй половине творчества С.Есенина. В начальный период — их незначительное количество. Это отражает психологическую закономерность: именно в середине жизни и во второй ее части человек начинает задумываться о своем месте в мире, об итогах своей жизни и, рефлексировав, делает одно из своих Я объектом анализа, что свидетельствует о росте самосознания. Отсюда — активизация внутренней речи и, естественно, отражение этих процессов в поэзии.

В начальный период устанавливается связь с миром, и человек стремится назвать каждое из его явлений, сделать его предметом познания. Поэтому в этот период особенно многочисленны обращения, которые помогают также составить представление о круге общения автора.

В силу внутренней направленности поэзии С.Есенина наиболее многочисленной группой обращений являются обращения не к лицам, а среди них — обращения к явлениям природы, растениям, животным и к родной земле, Руси.

Последовательно, на протяжении всего творчества встречаются обращения к ветру, видимо, очень близкому противоречивой, изменчивой натуре Есенина. Они, как и другие обращения к природе, часто сопровождаются характерными для фольклорных традиций элементами ой вы /ой ты/, мой, милый и др.

Новое, братское /М.Эпштейн/, отношение прослеживается в обращениях к животным, хотя их не так уж много.

Природные адресаты, наиболее многочисленные в начальный период творчества, сменяются адресатом-родиной, причем обращения к родине составляют определенную иерархию: отчий дом — родной край — Русь.

Созерцательный, размышляющий характер поэзии С.Есенина обусловил почти полное отсутствие форм императива, обычно сопровождающих обращения, особенно к себе. В тех редких случаях, когда они присутствуют в тексте, их модальность – пожелание, чаще всего они отражают волевые импульсы автора.

Форма вопроса сопутствует почти каждому обращению, независимо от того, какого адресата оно обозначает. Для Есенина наиболее характерны риторические вопросы-восклицания /Уж не скаж ли в прутнике Кисть твоя и быть, Что под вечер путнику Нашептал ковыль? и вопросы-размышления, не нуждающиеся в ответе, которые становятся основной диалогической формой второго периода творчества поэта: Я комкаю письмо, Я погружаюсь в жуть. Ужель нет выхода В моем пути заветном?

Что касается форм второго лица /местоимений Ты и Вы/, то Ты – традиционно, и адресат, скрывающийся под ним, чаще всего эксплицируется в контексте. Адресат Вы редок и, встречаясь в поздних стихотворениях, обычно включает в свой состав и авторское Я. Небольшое исключение, где поэт противопоставляет себя Вы, – это циклы "Москва Кабацкая" и "Исповедь хулигана". Там Я – мечущийся, ошвищенный, отчаявшийся поэт-забуддыга, а Вы – это общество, которое его таким сделало.

В целом соотношение форм внутреннего диалога и их грамматическое оформление соответствует характеру поэтического видения С.Есенина.

2 глава – "Внутренний диалог в поэзии В.Маяковского".

Коммуникативная позиция В.Маяковского определяется направленностью его поэзии на звучащую речь, на непосредственную обращенность "к слушателю или собеседнику, реальному или воображаемо-

му — все равно"⁵. И если в начальный период творчества — это дань футуризму, то в послеоктябрьский — это уже закономерный отклик на потребность общества в вожаках.

Такая направленность поэзии вовне, к аудитории, обусловила малую степень ее автоадресованности. Автодиалоги встречаются в основном в начальный период творчества, но и там ощущается эта направленность поэзии вовне. Если у Есенина чаще всего эксплицируются адресаты автодиалогов, к которым обращается действующее в мире Я, то есть они направлены внутрь себя, то Маяковский называет субъектов таких разговоров, которые адресуют свою речь реальному, земному Я поэта /Лет пять, должно быть, не был там, / а память шепчет еле: / "Тогда / в кафе / журчал фонтан / и плавали форе-рели" /. Субъектами могут быть также страх, душа, тема и др.

Основное место занимает внутренний диалог в широком смысле. Диалогические формы в нем распределяются следующим образом. Наиболее многочисленны обращения к лицам, диапазон которых безгранично широк: здесь и современники, называемые посредством обращений товарищ, обращений, характеризующих адресатов по роду занятий и по их социальной принадлежности /революционер, рабочий и др./, обозначенных словами "ребята", "братцы"; очень часты обращения, общепринятые за рубежом или архаичные, в иронических, сатирических контекстах /мусье, мистерн, господа/. Особую группу составляют обращения к коллегам по перу. В таких контекстах явно ощущаются интонации превосходства автора над всеми окружающими.

⁵ Винокур Г.О. Маяковский — новатор языка. — М., 1943. С.117.

Большое место занимают обращения к лицам, отдаленным во времени и пространстве: к историческим лицам /Коломб, Керзон, Форд и др./ . То есть Маяковский весь мир делает своей аудиторией, ощущая себя на трибуне, возвышающейся над всеми.

С этой же трибуны обращается он и не к лицам. Наиболее показательны в этом отношении обращения к природе. Он не приближается к ней, ее явлениям, что характерно для поэзии, а наоборот, ее стихи, явления приближает к себе, вводит в свою аудиторию, одушевляет и зовет на борьбу, которую постоянно ведет сам: Молния, присей соглашательский язык!

Очень ярко определяют стиль Маяковского обращения-характеристики, встречающиеся среди всех типов. Здесь и определения-характеристики, и перифразы-характеристики /бараны мира, товарищ Фома/, и фразовая номинация в позиции обращения /гвоздимые строками/. Такие характеристики - в основном отрицательные.

Всей общепозитической установке автора звать за собой соответствует повышенная, избыточная императивность его лирики. Каждое /за исключением немногих/ обращение сопровождается формой повелительного наклонения. Это придает поэзии лозунговый, плакатный характер.

Побудительная функция является основной и для вопроса /Кто сумеет совладать? Можете? Попробуйте.../. Почти все вопросы, встречающиеся в текстах Маяковского, содержат в себе ответ, или он дается в контексте, т.е. читателю, слушателю, собеседнику не дается возможность выбрать решение самому. Безответные вопросы, передающие ход размышлений, отмечаются только в раннем и позднем периодах творчества.

Указанные формы диалога в процессе творчества Маяковского

распределяются равномерно.

Изменения претерпевает только адресат Вы: если в дореволюционном, "футуристическом" творчестве под Вы понимается общество, которому противопоставляли себя футуристы, то в послереволюционном Вы – может быть кто угодно, с кем вступает в диалогические отношения поэт /обычно характер этого Вы раскрывается в контексте/.

Итак, эстрадная направленность поэзии В.Маяковского обусловила и основные особенности его стиля: обращенность к лицам и императивность, малый удельный вес автодиалогов по отношению к внутренним диалогам в широком смысле и их имитационный характер /адресант, принадлежащий к внутреннему миру, обращается к адресату Я, действующему в мире реальном, так же, как сам поэт обращается к своей аудитории/.

3 глава – "Внутренний диалог в поэзии М.Петровых".

Поэзия М.Петровых традиционна в том смысле, что охватывает обычный круг тем, присущих лирике: отражает внутренний мир автора со всеми свойственными ему особенностями. Свои стихи М.Петровых воспринимала как средство самовыражения, поэтому естественно, что в них воплотились процессы размышлений в форме внутренних диалогов.

Субъектом таких диалогов у М.Петровых чаще всего выступает высшее Я – Разум, Духовность, Совесть, – которое обращается к Я земному, чувствующему, живущему и действующему в обычном мире среди людей. Это свидетельствует о высочайшем уровне самосознания, самокритичности автора, самоуглубленности: Никто не поможет, никто не поможет, Метанья твой никого не тревожат, В себе отыщи непонятную силу, Как скрытую золотоносную жилу. Притом высшее Я – Мудрость, Разум – всегда обращается к своему адресату с интонацией превосходства /как старший обращается к младшему/, поэтому в подобных стихотворениях очень ошктыми повелительные интонации.

Адресат и субъект речи эксплицируются редко, но их характер можно определить по контексту. В некоторых стихотворениях имеется прямое указание на автоадресацию: В тиши блаженства нашего Клянусь себя: не сглазь!

Обращения синтаксические в таких диалогах отсутствуют, и это придает им интимный характер, сигнализирует о принадлежности к духовной сфере.

Вопросы чаще всего задаются со стороны Я высшего, которое в ближайшем контексте дает и ответы на них.

Императивность по отношению к Я земному, безответность последнего свидетельствует о том, что роль последней инстанции во всех диалогах принадлежит Я высшему.

Адресатами автодиалогов могут выступать у М.Петровых слово и муза, строка, душа и сердце, эксплицируемые в поэтических текстах, но подобные диалоги встречаются намного реже описанных выше.

Направленность поэзии М.Петровых на внутренний мир автора обуславливает и определенное соотношение диалогических форм в общении с миром. Обращения к лицам, как и в поэзии Есенина, редки, а в обращениях не к лицам адресаты одушевляются и делаются равноправными участниками бесед. Многочисленны адресаты – города

и страны, земля /Земля моя чудесная, что для тебя я сделаю.../.

Обращения такие часто перифрастичны и эмоционально насыщены:

Белый камень в голубой оправе, Ты у недруга в кольце тугом /о Севастополе/ и др.

Очень показательны для характеристики идиостиля обращения к природе. Если у Есенина явления природы, деревья, цветы, животные – братья, родственники; у Маяковского – соратники в борьбе, то у Петровых, которая обращается не к дереву, а к лесу, не к ручью, а

к морю, к ветрам — это божества, к которым она приходит поклониться со своими горестями, страданиями и радостями: Здравствуй, лес! К тебе пришла я с безутешною утратой; Родимые ветры осенние, Хоть вы не оставьте меня!

Индивидуальны у М.Петровых обращения к жизни и смерти. Они хорошо иллюстрируют нахождение этих адресатов на границе внешнего и внутреннего мира: Где заблудились мы, жизнь моя? Смерть приходит из внешнего мира: Не медли, смерть. Не медли, погляди, Как тяжело неслышащей, незрячей, Пустой душе. Зову тебя — приди!

Императивные интонации жестки только в автокоммуникативных диалогах; формы повелительного наклонения, сопровождающие обращения к природным и другим адресатам, имеют модальность мольбы, закличания, просьбы.

Вопрос как диалогическая форма не очень выразительно представлен в поэзии М.Петровых. Он встречается, как уже отмечалось выше, в автокоммуникативных контекстах, передавая движение мысли или сигнализируя о теме высказывания. Удельный вес вопроса по отношению к другим диалогическим формам наиболее велик в поздний период творчества. Для этого же периода характерны и автодиалоги, но в большей мере, чем у Есенина. Синтаксические обращения многочисленны в ранних стихотворениях.

Таким образом, психологический принцип, проиллюстрированный поэзией С.Есенина, подтверждается и в этом случае.

4 глава — "Внутренний диалог в поэзии Б.Окуджавы"

Ориентация поэзии Б.Окуджавы на общение с аудиторией должна была бы сближать ее с эстрадной поэзией Маяковского. Черты сходства действительно есть, но они минимальны: непосредственное общение со слушателем, полилогизм которого у Окуджавы усиливается

музыкальным сопровождением, и расширение аудитории по сравнению с традиционной лирикой. Но по сравнению с аудиторией Маяковского, не ограничивавшего ее состав, аудитория Окуджавы избирательна: она включает лишь тех, кто способен сопереживать поэту, будучи связанным с ним общностью памяти, знания, интересов. Общение с реальной аудиторией осуществляется через посредство "текстовой", что определяет и характер адресации в поэзии Б. Окуджавы.

Этими же условиями определяются и особенности автокоммуникации поэта. У него не наблюдается расщепления Я, какое мы показывали на примере творчества предыдущих поэтов. Его Я удваивается и каждый раз входит в состав тех адресатов, к которым он обращается, рассчитывая на сочувствие, со-понимание, — включается в состав того Вы, к которому апеллирует поэт, названному или не названному посредством обращения.

Иногда роль высшего Я возлагается на адресатов-родных: мать, погибшие отец и брат, — к ним земное Я поэта обращается с просьбой дать совет, научить жизни: О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой, когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой? Такую же роль играют и обращения к сыну.

Субъекты автодиалогов иногда /редко/ эксплицируются в тексте стихотворения и тоже наделяются чертами высшего Я, например, правом повелевать или иронизировать: Протягну я Любви ладони пустые, покаянный услышу я голос ее: — Не грусти, не печалуйся, память не стынет, я себя раздарила во имя твое; Ходьба — длинноногое чудо дорог — дала мне такое имущество: "Бери сто морок, позабудь свой мирок, иди, простофяля, помучайся.

Установка на общение с аудиторией приводит к тому, что наиболее характерными текстовыми адресатами, обозначенными обращениями, являются адресаты-лица, и из них — люди, имеющие отношение к

музыке, искусству: Отчего ты печален, художник – живописец, поэт, музыкант? Это свидетельствует о том, что музыка, искусство вообще – для Окуджавы первооснова жизни. Доказательство тому – обилие обращений к адресатам-не лицам, также относящимся к музыке, творчеству: Защитите его, струны, от изменчивой фортуны.

Определяющим индивидуальный стиль Окуджавы является мотив Надежды. Это чувство одушевляется, очеловечивается и становится действующим лицом многих поэтических сюжетов на протяжении всего творчества поэта: Надежда, белою рукой сыграй мне что-нибудь такое...; О надежда, ты крылатое такое существо...

Обращения к природе у Б.Окуджавы почти отсутствуют.

Формы повелительного наклонения поэтом используются часто, но они носят модальность пожелания.

Вопрос – одна из наиболее распространенных диалогических форм в поэзии Б.Окуджавы. Преобладают вопросы безответные. Они могут выражать побуждение к действию /Не угодно ль вам собраться у меня, в моем доме?/, сомнения, размышления и т.д. Цепочки вопросов задают тему совместных размышлений, побуждают адресата выбрать необходимый ответ.

Семантика второго лица /Ты, Вы/ меняется в зависимости от того, кого автор видит в качестве своих собеседников, и на состав Вы чаще всего есть указание в контексте. Как уже отмечалось, довольно часто авторское Я, удваиваясь, тоже включается в его рамки.

На примере творчества Б.Окуджавы четко прослеживается эволюция соотношения диалогических форм: в начале творчества преобладают синтаксические обращения, которые со временем заменяются вторым лицом /собеседники известны друг другу, и нет необходимо-

сти в их названии/. Появляется вопрос, передающий ход размышлений о смысле жизни, и контексты с обращениями к адресатам, соответствующим высшему Я поэта. Снова работает общий психологический принцип: установление связи с миром -- поиски в нем своего места -- мысли по поводу пережитого.

В заключении представлены основные итоги исследования.

Изучение внутреннего диалога у четырех поэтов XX века позволяет сделать вывод о том, что характер внутреннего диалога чрезвычайно показателен для индивидуального поэтического языка и индивидуального стиля.

Характер внутреннего диалога связан с мировосприятием поэта, с его картиной мира, с тем, как взаимодействуют поэт и мир, каковы познавательная и коммуникативная позиции поэта. Эти факторы определяют собеседников поэта, адресатов речи -- тех, с кем он вступает в диалогические отношения. У Есенина -- это природа и Россия, родная земля, у Маяковского -- в основном современники, у М.Петровых -- города и земли, в которых она побывала, явления природы, у Окуджавы -- товарищи, друзья, единомышленники, а также люди, имеющие отношение к искусству.

Кроме того, индивидуальный стиль каждого из поэтов ярко характеризуется соотношением автодиалогов и внутреннего диалога в широком смысле. Наибольшее количество обращений к себе у поэтов, продолжающих лирические традиции и ориентирующихся на отражение в поэзии своего внутреннего мира -- С.Есенина и М.Петровых. У В.Маяковского и Б.Окуджавы, адресующих свои поэтические диалоги аудитории, ограниченной рамками общего знания, как у Окуджавы, или неограниченной, как у Маяковского, преобладают диалоги, которые мы называем внутренними диалогами в широком смысле. Правда, у Б.Окуджавы они иногда содержат оттенок автокоммуникативности /если

адресат Вы или Ты, к которому обращается поэт, — инклюзивный/. Это явление имеет место в поэтических текстах второго периода. У Маяковского автодиалоги /в небольшом количестве/ встречались только в ранних стихотворениях.

Общая закономерность, проявляющаяся в творчестве почти всех поэтов, заключается в том, что начальный период творчества каждого — период постижения мира, установления связи с ним, поиска своих адресатов — знаменуется в поэзии большим количеством синтаксических обращений, которые с течением времени сменяются вторым лицом. Возможно, что обилие их в начале творчества связано также с метафоричностью восприятия окружающего мира в молодости. Во второй период творчества преобладающей становится форма вопроса, появляются автокоммуникативные конструкции, в то время как в ранний период преобладали диалоги с миром. Это свидетельствует о росте самосознания, о самоуглублении, позволяющем человеку сделать себя объектом анализа /самосознание, как известно, осуществляется посредством внутренней речи, которая, в силу этого, в трансформированном виде, находит свое отражение в поэтических текстах/. Исключение из этого правила, подтвердившегося при исследовании творчества указанных поэтов, составляет лишь поэзия В. Маяковского.

Если говорить об исторической эволюции внутри традиционной поэзии /С. Есенин, М. Петровых/ и новаторской /В. Маяковский и Б. Окуджава/, то необходимо отметить, что при некотором сходстве в творчестве каждой из пар авторов, наблюдается усиление автокоммуникативного начала в лирике более позднего периода /у М. Петровых/, а в поэзии так называемой "эстрадной" — сужение, ограничение круга адресатов общностью интересов, общностью памяти /у Б. Окуджавы/.

Выявленные закономерности не могут претендовать на роль всеобщих в силу ограниченности круга авторов, чье творчество послужило материалом исследования. Они только намечают некоторые тенденции развития поэзии XX века и открывают возможности для дальнейшего изучения лирики с этой точки зрения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Формы внутреннего диалога в лирических текстах // Риторика и синтаксические структуры. - Красноярск, 1988. С.193-194 /в соавторстве с И.И.Ковтуновой/.
2. Обращения в лирике В.Маяковского // Новейшие направления лингвистики. Тезисы Всесоюзной школы-конференции. - М., 1989. С.77-79.
3. О некоторых особенностях внутреннего диалога у Маяковского // Художественный текст: Проблемы изучения. Тезисы выступлений на совещании. - М., 1990. С.77.
4. К поэтике Б.Окуджавы // Лингвистическая семантика и прагматика. Материалы V научной конференции по проблемам семантических исследований. - Москва-Харьков, 1991. С.181.
5. Внутренний диалог в поэзии М.Петровых // Русский язык: Актуальные проблемы диахронии и синхронии. Сборник статей. - М., 1991. С.209-219.

Подп. в печ. 03.12.91 г. Тираж 100 экз. Заказ № 9966

Централизованная типография ГА "Совместройматериалов"

467030

AB 25.520

2